

Научная статья

УДК 811.512.37'42

DOI 10.18101/2686-7095-2025-4-51-58

АКСИОЛОГИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В РУССКОЙ И КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

© Есенова Тамара Саранговна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
и общего языкознания, русской и зарубежной литературы,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
esenova_ts@mail.com

© Есенова Галина Борисовна

кандидат филологических наук, ведущий специалист,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
esenovagalina@gmail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию аксиологии «своего» и «чужого» в русской и калмыцкой лингвокультурах. Актуальность статьи обусловлена тем, что оппозиция «свой» — «чужой», будучи значимой категорией миропонимания этносов, формирует систему ценностей, определяет специфику коммуникативного поведения людей внутри «своей» общности и за ее пределами. Материал: паремические единицы, репрезентирующие концепты «свой» и «чужой» в русской и калмыцкой лингвокультурах, выбранные методом сплошной выборки из словарей В. И. Даля и Б. Х. Тодаевой. Методы: сопоставительный, концептуальный, лингвокультурологический. Результаты: анализ показал наличие в русской и калмыцкой лингвокультурах сходных признаков в концептуализации «своего»: «свое» лучше, дороже; подобно матери. Различие заключается в том, что в русской культуре «свой» характеризуется большим количеством признаков, в калмыцкой описывается через температурную и цветовую метафоры. Поведение русских ориентировано на взаимопомощь и защиту «своих», калмыков — на опору на собственные силы и соблюдение этических норм, гармонии. Сходство в концептуализации «чужого» в русской и калмыцкой лингвокультурах состоит в наличии признаков «непознаваемый» и «интересный». Различие в том, что у русских «чужой» сопровождается «эмоциональным неприятием» («не жалко», «не стыдно»), у калмыков «чужой» характеризуется отрицательно через температурную и цветовую метафоры («темный», «холодный») и наделяется признаком «опасный». Калмыцкая модель поведения основана на требованиях к себе самому («нельзя жить «чужим умом», «живи своим»), русская — на неприятии «чужого» («не жалей», «не верь», «не принимай»). Эти различия связаны с главной чертой «чужого» в рассматриваемых культурах: русское «чужое» неясное, а калмыцкое — опасное.

Ключевые слова: концепт, «свой», «чужой», аксиология, поведение, русские, калмыки, пословицы.

Для цитирования

Есенова Т. С., Есенова Г. Б. Аксиология «своего» и «чужого» в русской и калмыцкой лингвокультурах // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 4. С. 51–58.

Введение

«Свой» и «чужой» относятся к базовым категориям культуры, обеспечивающим сохранение и развитие социумов и самоидентификацию индивида. Бинарная оппозиция «свой» — «чужой» закреплена в культурной памяти, языковых средствах, формируя механизмы разграничения «своих» от «чужих» [7, с. 41; 2, с. 45]. В лингвокультуре эти концепты формируют систему ценностей, представления о защите, опасности, ответственности индивида. Наиболее ярко эта дихотомия проявляется в паремиях, формулирующих социально значимые нормы поведения и модели взаимодействия людей. Русская и калмыцкая культуры демонстрируют как типологическое сходство в понимании принадлежности к группе, так и значительные различия, связанные с историческими формами общественной организации, религиозными и культурными представлениями. Несмотря на устойчивый интерес исследователей к изучению категории «свой» — «чужой» в русской культуре [например: 5; 6; 1; 8], аксиологический аспект концептов «свой» и «чужой» остается недостаточно разработанным. Сказанное определяется актуальность статьи. Ее новизна заключается в сопоставительном анализе паремий русского и калмыцкого языков, объективирующих данные концепты.

Цель статьи — описать и сопоставить ценностный компонент концептов «свой» и «чужой» в русской и калмыцкой лингвокультурах, определить специфику аксиологических установок, регулирующих поведение человека в отношении «своих» и «чужих».

Материалом послужили пословицы, репрезентирующие концепты «свой» и «чужой» в русском и калмыцком языках, собранные методом сплошной выборки из лексикографических источников русского [4] и калмыцкого языков [8].

В работе применялись сопоставительный, концептуальный и лингвокультурологический методы исследования.

Результаты

Для определения специфики коммуникативного поведения среди «своих» и «чужих» выделим признаки «своего». Во-первых, согласно русской паремии «свой» лучше других: «Свое всегда милее» [4, с. 108], «Свой вор лучше чужого судьи» [4, с. 118], «Лучше свой дурак, чем чужой умный» [4, с. 109], «Хоть и вор, да свой — жалко» [4, с. 106]. «Свой» дороже: «Всяк сам себе дороже» [4, с. 107], «Не до дружска, до своего брюшка» [4, с. 120], «Свой хлеб сътнее» [4, с. 109]. «Свой» краще: «Свой уголок всего краше» [4, с. 109], любимей: «Княгине — княжса, кошке — котя, а Катерине — свое дитя» [4, с. 111], «Нет певчего для вороны супротив родного вороненка» [4, с. 117]; ближе: «Барин за барина, мужик за мужика стоит» [4, с. 107]. «Свой» защитит: «Свой своего не выдаст» [4, с. 111],

поможет: «У *своего* и хлеба поищешь», «На *своей* земле и камень помогает» [4, с. 111], «Свой своему — и ногою пнет, поможет» [4, с. 112]. В подобных единицах создается образ «своего» как источника комфорта, стабильности, предсказуемости. Во-вторых, в паремии «свой» уподобляется матери: «Свая сторона — мать», «Свая сторона — мать, чужая — мачеха» [4, с. 115]. «Свой» ассоциируется с самым притягательным существом в картине мира русского человека — матерью. Экстравинтические знания человека могут дополнить облик «своего» такими признаками, как защита, любовь, тепло, которые ассоциируются с образом матери. Яркость образа достигается противопоставлением «мать — мачеха».

Поведение человека среди «своих» и «чужих» определяется свойствами, которыми эти объекты наделяются в русских паремиологических единицах:

- работай на себя: «На себя работать не стыдно» [4, с. 108];
- будь себе хозяином: «Свое добро: хочу — с кашей ем, хочу — масло пахтаю» [4, с. 118];
- «у себя» веди себя, как хочешь: «На *своей* кляче куда хочу, туда и скачу» [4, с. 116], «Свая рубаха — свой простор» [4, с. 108];
- поступай, как тебе лучше: «Сова о сове, а всяк о себе» [4, с. 110];
- береги «свое»: «Чужую курицу щипли, а свою за крыльшко держси» [4, с. 121];
- полагайся на «своих», верь только себе: «Своим глазом смотри, чужому не верь» [4, с. 114].

Как показывают примеры паремий, русская модель поведения может быть охарактеризована как коллектиivistская: прослеживается зависимость человека от окружающих людей, которые могут защитить, от которых может прийти помочь. Объяснение такой линии поведения русского человека можно найти в коллективизме русского народа: одной из этнокультурных характеристик русских является, по мнению А. Вежбицкой, соборность [3]. Земледелие, основное занятие русских, предполагающее взаимопомощь людей во время сезонных сельскохозяйственных работ, закладывало коллективное начало в характере людей. Вместе с тем паремия рекомендует не верить другим, а только себе, поступать так, как лучше тебе, работать на себя, что можно объяснить ориентацией человека все же на собственный, а не чужой опыт. Как видно из примеров паремий, определяющим фактором русской модели поведения является социум, от которого зависит человек, рассчитывая на его помочь и защиту.

В паремической картине мира калмыцкого народа выделяются следующие свойства «своего». Во-первых, как и в пословицах русского народа, «свой» сравнивается с матерью: «Эврэ ээжин келн — элсн тоңигин ир ‘слово родной матери как острие тупого ножа’» [8, с. 119], «Эврэ ээжин келн элсн тоңиргин ир, күүнэ ээжин келн күүц тоңиргин ир ‘слово родной матери словно лезвие тупого ножа, слово чужой матери как острие лезвие’» [8, с. 118], «Эврэ ээжин угнь ээлтэ болн эвтэ» ‘слова своей матери ласковые и добрые’» [8, с. 118], «Эврэ ээжин угнь ээлтэ болн эвтэ, күүнэ ээжин угднь курл чолун эвдрдг ‘слова своей матери добры и мягки, слова чужой способны разрушить камень’» [8, с. 118]. Образы матери и

мачехи помогают выделить такие признаки «своего», как мягкость, доброта, через противопоставление негативным признакам «чужого» (острота, тяжесть). Еще одним образом, используемым для актуализации характеристик «своего», является образ весны и осени: «*Күмни герт намр, эврэнн герт хавр* ‘у чужих — осень, у себя — весна’» [8, с. 120]. Через образы времен года актуализируются такие признаки «своего», как тепло, ласка, свет, которым противопоставлены такие признаки «чужого», как темнота, холод. Во-вторых, «свой» наделяется таким признаком, как свобода: «*Күн болһн эврэнн гертэн хан* ‘каждый в своем доме хозяин’» [8, с. 119]. В-третьих, «своему» приписываются признаки «сила», «мудрость», которые признаются важнейшими свойствами человека: обладатель этих свойств считается настоящим человеком, а их отсутствие делает человека подобным животному: «*Бийэн медгчд цеңн, зөргэн чаңглгчд — күчркг* ’в познании себя — мудрость, в закаливании воли — сила’» [8, с. 120]. В-четвертых, «свое» признается дороже, лучше «чужого»: «*Күүнә алтнас эврә назрин шора дота болдг* ‘пыль родной земли дороже чужого золота’» [8, с. 115], «*Күүнә бурхнас эврә эрлг deer* ‘лучше свой черт, чем чужой бурхан’» [8, с. 116].

Выделенные признаки «своего» определяют постулаты поведения человека в калмыцком обществе:

- рассчитывай на себя, не ищи помощи от «чужих»: «*Бийэн асрн күн кү асрд* ‘человек, способный прокормить себя, и других прокормит’» [8, с. 119], «*Эмч кедү сэн болв чигн, бийдэн туслдг уга* ‘каким бы хорошим ни был доктор, но себе не может помочь’» [8, с. 120], «*Эдх куунә эмчнэ — эврән* ‘врач желающего выздороветь — он сам’» [8, с. 119];
- соблюдай этические нормы, не унижай «чужого»: «*Бийэн битгэ магт, бусдыг битгэ бас* ‘себя не хвали, а других не принижай’» [8, с. 119], «*Бийэн мэдн болвч, бусад бүү доорг* ‘зная себя, не принижай других’» [8, с. 119];
- не жалей от себя: «*Бийэн хувц бичә хармн* ‘не жалей для себя одежду’» [8, с. 119];
- не вреди себе: «*Бийинн шүрүн бийд hə болдг* ‘своя резкость себе во вред’» [8, с. 120];
- думай прежде всего о себе: «*Эврә киилг маҳмудт өөрхн* ‘своя рубашка ближе к телу’» [8, с. 118];
- помогай другим: «*Бийин амриг битгэ хәлә, бусдт туслхиг битгэ март* ‘не заботься только о себе, не забывай помогать другим’» [8, с. 120];
- развивайся: «*Бийэн засхар, бичгэн зас* ‘займись собой, займись своим образованием’» [8, с. 119];
- познавай себя «*Бийэн медвл күмн, белчэрэн медвл мал* ‘если осознает себя, то человек; если знает свое pastбище, то животное’» [8, с. 119], «*Эврә унр бийд медгддг уга* ‘запах собственного тела не ощущается’» [8, с. 119], «*Бийэн медгчд цеңн, зөргэн чаңглгчд — күчркг* ’в познании себя — мудрость, в закаливании воли — сила’» [8, с. 120].

Значит, калмыцкая модель поведения строится на качествах самого человека, «направлена» на саморазвитие, основана на соблюдении человеком общественных норм, т. е. гармонии с окружающими. Такую модель можно объяснить кочевым

образом жизни и скотоводческим характером труда калмыков. Проживающие изолированными группами на огромных пространствах, в окружении грозной природы, ухаживая за многочисленными стадами животных, люди могли рассчитывать только на себя: в таких условиях невозможно было полагаться на постороннюю помощь. В центре этой «индивидуалистической модели поведения» находится человек, который должен «встраиваться» в существующий порядок, быть в гармонии с ним.

«Чужой» в русской паремической картине мира характеризуется как непознаваемый, неясный: *Чужая душа — потемки* [4, с. 106], *В чужой семье муж и жена, как в теремке: не войдешь — не узнаешь* [4, с. 109]. «Чужое» не вызывает сочувствия: *Чужая слеза — вода* [4, с. 114], *Чужая шкура не болит, Чужая беда — смех* [4, с. 110, 118]. Согласно русской паремии «чужого» не жалко: *Чужое вино — и пил бы, и лил бы* [4, с. 117]; «чужое» не долговечно: *Чужое не споро — пропадет скоро, Сытен чужой обед, да на одни сутки* [4, с. 110, 115]. За «чужого» не стыдно: *Чужой дурак всех веселит* [4, с. 119], *Чужой дурак — веселье, а свой — стыд, Чужая корова — что выдоена, что высосана* [4, с. 109, 112]; «чужое» может вызывать зависть: *У соседа трава зеленее* [4, с. 117]. Русская концептуализация чужого характеризуется амбивалентностью: «чужое» неясно, закрыто, но может вызвать зависть. Характерно безэмоциональное отношение к «чужому» («не жалко», «не стыдно за него»). Однако доминирующей остается оценка «чужого» как непознаваемого и неясного.

Рекомендации о поведении по отношению к «чужому» сводятся к следующему:

- не вторгайся в «чужое»: *Не суйся в чужой монастырь со своим уставом* [4, с. 118], *Не лезь в чужую жизнь* [4, с. 120], *Не садись в чужие сани* [4, с. 113];
- не относись к «чужому» как к своему: *Чужая беда — не своя* [4, с. 107];
- используй «чужого» в своих целях: *Чужими руками жар загребать», «Чужими руками дела вершить* [4, с. 113], *На чужой спине легко* [4, с. 115];
- не жалей «чужого»: *Чужим добром и пьян, и съят* [4, с. 112], *Чужая слеза — не боль* [4, с. 112], *На чужой спине легко* [4, с. 115];
- не верь «чужим»: *Чужая слеза не умоет* [4, с. 107];
- не рассчитывай на «чужое»: *Чужим добром съят не будешь* [4, с. 114], *На чужой лошади далеко не уедешь* [4, с. 117].

В целом для русской паремической картины мира характерно негативное отношение к «чужому», что обусловливает линию поведения к «чужому», основанную на предостережении («не верь», «не жалей», «не рассчитывай», «не относись, как к своему»).

В калмыцкой культуре концепт *күүнэ* ‘чужой’ имеет жесткую модель разграничения. «Чужой» опасен: *Күүнэ һазрт мод суулхла ора сүкн э соңсх ‘если посадишь дерево на чужой земле, к вечеру услышишь стук топора’* [8, с. 115]; «чужой» не станет «своим»: *Хәрин күн — хаша һаты ‘чужой человек остается чужим (будто за оградой)’* [8, с. 116]. «Чужой» непознаваем, очерчивается линия между «своим» и «чужим»: *Хәрин күн — хаша һаты ‘чужой — «за оградой»’*

[8, с. 116]; но «чужое» внимательно изучается: «*Күүнэ толнаадк өвс үздг, эврэннэ толнаадк өвр үздг уга* ‘на чужой голове видит соломинку, а на своей не замечает рога’» [8, с. 115]. Вместе с тем, как и в паремии русского народа, «чужое» кажется лучше: «*Күмни кесн хот әмтәхн* ‘у чужих пища кажется вкусной’» [8, с. 115]. В калмыцкой паремии «чужое» характеризуется через температурную и цветовую метафоры как темное и холодное: «*Күмни герт намр, эврэннэ герт хавр* ‘у чужих — как осень, у себя — как весна’» [8, с. 115]. На «чужой стороне» строгие нравы: «*Күмни назр күчтә, күчкнин нүкн бүдрактә* ‘у чужой стороны нравы строгие — даже мыши спотыкаются’» [8, с. 115].

Как видим, в калмыцкой культуре основной характеристикой «чужого» является «опасность». В связи с этим калмыки придерживаются следующих постулатов поведения:

— будь осторожен с «чужими»: «*Күүнэ назрт мод суулхла ора сүкин ә соңсхч* ‘если посадишь дерево на чужой земле, к вечеру услышишь стук топора’» [8, с. 115], «*Күүнэ мэр унсн күн өвкәж хатрдг* ‘на чужом коне всадник рысит осторожно’» [8, с. 115], «*Күүнэ назр күндтә, көлән чикәр ишк* ‘чужая сторона строга, следи за каждым шагом’» [8, с. 114];

— будь готов к опасности на «чужой» стороне: «*Күүнэ назрт мод суулхла ора сүкин ә соңсхч* ‘если посадишь дерево на чужой земле, к вечеру услышишь стук топора’» [8, с. 115];

— нельзя жить «чужим» умом: «*Күүнэ уханар удан бәэж болдго* ‘чужим умом долго не проживешь’» [8, с. 115];

— живи «своим»: «*Күмни мэр унвл бу, бу гидг; күмни дөвл өмсвл тәэл, тәэл гидг* ‘сел на чужого коня — скажут, слезай; надел чужую одежду — скажут, снимай’» [8, с. 115];

— используй «чужого»: «*Күүнэ нарап мона бәрулх* ‘ловить чужими руками змею’» [8, с. 115];

— от «чужого» не жди мира: «*Күмни хувц өмссн күн бәрлдмһә* ‘кто носит чужую одежду, любит бороться’» [8, с. 115].

Калмыцкая модель поведения по отношению к «чужому» основана на осторожности, недоверии, что мотивировано непознаваемостью, опасностью, исходящей от «чужого». Наблюдается отмеченная при анализе поведения среди «своих» особенность поведения: рассчитывать на себя.

Заключение

Таким образом, сопоставительный анализ «своего» в русской и калмыцкой культурах показывает наличие сходств в концептуализации: выделяются общие признаки («свое» лучше, дороже; подобно матери). Различие связано с тем, что в русской культуре «свой» характеризуется большим количеством признаков, в калмыцкой описывается через температурную и цветовую метафоры. Поведение русских ориентировано на взаимопомощь и защиту «своих», калмыков — на опору на собственные силы, соблюдение этических норм, гармонии. Сходство в концеп-

туализации «чужого» в рассматриваемых культурах состоит в наличии таких признаков, как «непознаваемый» и «интересный». Различие заключается в том, что у русских «чужой» сопровождается «эмоциональным неприятием» («не жалко», «не стыдно»); у калмыков «чужой» характеризуется негативно через температурную и цветовую метафоры (темный, холодный) и признаком «опасный». И в русской, и в калмыцкой культуре рекомендуется использовать «чужого» в своих интересах; различие в поведении связано с предостережениями: «не относись к “чужому” как к “своему”», «не жалей “чужого”», «не верь “чужому”», «не рассчитывай на “чужого”» (русские); «будь осторожен», «не жди мира от “чужого”» (калмыки). Калмыцкая модель поведения основана на требованиях к себе самому («нельзя жить “чужим” умом», «живи “своим”»). Эти различия обусловлены главными признаками «чужого» в рассматриваемых культурах: русское «чужое» неясное, а калмыцкое — опасное.

Литература

1. Балансикова О. В. «Свой — чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2003. 224 с. Текст: непосредственный.
2. Вальденфельдс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. 1994. № 6. С. 45–56. Текст: непосредственный.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 416 с. Текст: непосредственный.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. Москва: Художественная литература, 1989. Т. 2. 429 с. Текст: непосредственный.
5. Лаптева М. Л. Онтология культурно-когнитивного анализа «Своего и «Чужого» во фразеологической парадигме: монография / научный редактор Л. Г. Золотых. Астрахань: Астраханский университет, 2011. 141 с. Текст: непосредственный.
6. Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: монография. Астрахань: Астраханский университет, 2012. 213 с. Текст: непосредственный.
7. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 41–44. Текст: непосредственный.
8. Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста, 2007. Текст: непосредственный.
9. Фельде В. Г. Оппозиция «свой — чужой» в культуре: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Омск, 2015. С. 35–52. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 05.12.2025.

AXIOLOGY OF IN-GROUP AND OUT-GROUP COMPONENT
IN RUSSIAN AND KALMYK LINGUOCULTURES

Tamara S. Esenova

Dr. Sci. (Philology), Prof.

Department of Russian Language and General Linguistics,

Russian and World Literature

esenova_ts@mail.ru

Galina B. Esenova

Cand. Sci. (Philology), Lead Specialist

esenovagalina@gmail.ru

Gorodovikov Kalmyk State University
11 Pushkina St., 358000 Elista, Russia

Abstract. The article shows the axiology of *in-group* and *out-group* component in Russian and Kalmyk linguocultures. The relevance of the study lies in the fact that the opposition *in-group – out-group*, as a significant category in the worldview of ethnic groups, shapes a system of values and determines the specifics of communicative behavior both within the *in-group* and beyond it. Material: paremiological units representing the concepts of *in-group* and *out-group* in Russian and Kalmyk linguocultures, selected using exhaustive sampling from the dictionaries of V. I. Dal and B.Kh. Todaeva. Methods: comparative, conceptual, and linguocultural approaches. Results: the analysis has revealed similarities in the conceptualization of *in-group* in both Russian and Kalmyk linguocultures: *in-group* is considered better and more valuable, akin to a mother. Differences include the fact that in Russian culture *in-group* is characterized by a larger set of features, whereas in Kalmyk culture, it is described using temperature and color metaphors. Russian behavior is oriented toward mutual assistance and the protection of one's *in-group*, while Kalmyk behavior emphasizes self-reliance and adherence to ethical norms and harmony. Regarding the conceptualization of *out-group*, both cultures associate it with the features *unknowable* and *interesting*. Differences lie in the emotional evaluation: for Russians, *out-group* is accompanied by emotional detachment (*no pity, no shame*), while for Kalmyks *out-group* is negatively characterized through temperature and color metaphors (*dark, cold*) and attributed the feature *dangerous*. The Kalmyk behavioral model is based on self-imposed requirements (one must not live by *one's mind, live by your own*), whereas the Russian model focuses on the rejection of *out-group* (*do not pity, do not trust, do not accept*). These differences are related to the main trait of *out-group* in each culture: in Russian culture *out-group* is unclear, whereas in Kalmyk culture *out-group* is dangerous.

Keywords: Concept, *in-group*, *out-group*, axiology, behavior, Russians, Kalmyks, proverbs.

For citation

Esenova T. S., Esenova G. B. Axiology of In-Group and Out-Group Component in Russian and Kalmyk Linguocultures. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 4: 51–58 (in Russ).

The article was submitted 23.10.2025, approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 05.12.2025.